Папа, я помню, я верю, я знаю.

Глава 1

ДЫШИ И ПОМНИ

Превращаться в тень я научилась давно, еще в детстве. И вот теперь эта способность вновь пригодилась. Все просто. Если ваша жизнь находится в руках другого человека, то лучше оставаться незаметной, передвигаться бесшумно и лишний раз не привлекать к себе внимания. А мое истерзанное горем существо (и нет другого определения) вот уже неделю принадлежит сводному брату. Именно столько прошло времени с тех пор, как Егор произнес простые и одновременно убийственные слова:

— Опекунство нельзя оформить без согласия подростка, Дженни. Так ты согласна, чтобы твоим опекуном стал я?

— Да.

На принятие решения потребовалось меньше минуты.

Это только кажется, что у человека всегда есть выбор.

Впрочем, он был и у меня... Или я добровольно отправлюсь в ад, созданный Егором, где проведу два года до совершеннолетия, или предам память папы и позволю разрушить все, чего он достиг. А разрушением непременно бы с жадным удовольствием занялись мои дядя и тетя. Но для этого им нужно было заполучить меня с весомой частью

наследства в придачу. Я хорошая добыча. Ценный приз. Выигрывает тот, кому я досталась.

Комнату я покидаю редко, и маршрутов обычно три. Ближе к обеду я отправляюсь на кухню, чтобы выпить сладкий чай. Устроившись на своем обычном месте за столом, я закрываю глаза и представляю, как привычно касаюсь локтя Павла и слышу голос папы. *«Дженни, подумай, где бы ты хотела отдохнуть? Я бы с удовольствием показал тебе весь мир сразу, но это невозможно...»* — например, говорит он. И я обещаю подумать, не сомневаясь, что впереди — вечность...

Иногда я спускаюсь на первый этаж, делаю медленный круг по гостиной, выхожу из дома и устремляюсь к бассейну. Сажусь на деревянный лежак, смотрю на воду и вспоминаю все то, что происходило здесь еще несколько месяцев назад. Павел учил меня плавать. Он обещал, что однажды я стану дельфином. Его руки ложились на мою талию, серо-голубые глаза смотрели нежно, улыбка вызывала прекрасное беспокойство...

И третий, самый болезненный маршрут: по лестнице вниз, свернуть направо и еще немного пройти. Комната Павла. Обычно я устраиваюсь на его кровати или за письменным столом, беру мобильный телефон и в тысячный раз читаю нашу давнюю переписку. Это хоть как-то согревает душу. Не знаю, зачем приношу блокнот и карандаши... С тех пор как разбился самолет, на котором летели папа и Павел, не получается рисовать. Пальцы начинают дрожать, слезы душат, а на сердце быстро-быстро лопа-

ются кривые красные стежки, кое-как стягивающие края глубокой раны.

Я не могу ездить на кладбище. Не представляю, где оно находится. В памяти всплывают лишь малозначительные детали: светофоры, деревья, автобусные остановки... А этого слишком мало. Конечно, можно задать вопрос бабушке, но она сейчас ни с кем не разговаривает, и я не смею нарушить плотную тишину ее комнат. Даже шепот там прозвучит как крик. «Дженни, я хочу побыть одна...» — позавчера сказала бабушка, продолжая неподвижно смотреть в окно. И это была единственная фраза, которую она произнесла после похорон.

Дорогу знает Кирилл, наш водитель, но он наверняка сообщит Егору о том, что я собралась на кладбище в одиночестве. Скорее всего, мне это запрещено. Хотя если я исчезну с лица земли, никто плакать не станет. Уверена, Кирилл бы сам отвез меня, но... Иногда в гостиной или столовой я натыкаюсь то на бутылку виски, то на бокал. Подозреваю, именно из-за алкоголя мой сводный брат сам за руль не садится, и Кирилл поэтому занят с утра и до вечера.

Про Елену Валерьевну я все время забываю, будто она не живет в этом доме. Мы не видимся. Мать Егора по утрам куда-то уезжает, потом возвращается... И не всегда это происходит в тот же день. О ее появлении мне сообщают смешанные ароматы дорогих духов, изредка проплывающие по комнатам, черный палантин, небрежно оставленный на спинке кресла в гостиной, короткие

возгласы: «Егор, я хочу с тобой поговорить!» Или: «Эмма, принеси кофе в мою комнату!» И еще бывает, я вижу машину Елены Валерьевны, когда направляюсь в бассейн. Но чаще это место пустует.

Не уверена, что хочу поехать на кладбище. Все кажется, будто вот сейчас, через секунду, откроется дверь, и зайдут папа и Павел. Живые и невредимые. А случившееся — кошмарный сон, который обязательно забудется. И так страшно потерять эту полупрозрачную иллюзию, пустую надежду...

— Дженни, вы опять не поели, — со вздохом произнесла Эмма, глядя на нетронутую картофельную запеканку. — Скоро ваш организм окончательно отвыкнет от еды, и придется обращаться к врачам. Разве вы этого хотите? Категорически нельзя ставить над организмом такие эксперименты. Особенно в шестнадцать лет.

— Час назад я выпила кофе в столовой и съела довольно много печенья, — соврала я, пытаясь вспомнить, когда Эмма принесла поднос... Было неловко от того, что она ухаживает за мной и беспокоится. Это вовсе не входит в обязанности помощницы по хозяйству, но Эмма — хороший человек. Я поняла это недавно, сразу после случившейся трагедии. Больше никто и не общался со мной в те самые тяжелые дни...

— Дженни, я вас очень прошу, подумайте о своем здоровье. — Задержав на мне укоризненный и одновременно сочувственный взгляд, Эмма бесшумно направилась к

двери. Показалось, будто из ее груди вырвался тяжелый вздох: полные плечи чуть приподнялись и судорожно опустились.

— Обязательно подумаю, — тихо пообещала я и тоже вздохнула.

Раньше строгие платья Эммы всегда украшали белые, вязанные крючком воротнички и манжеты, но теперь их не было. Траур не терпит белый цвет. А траур пропитал наш дом от фундамента до крыши.

Глаза защипало от слез, но я тряхнула головой, прогоняя их. Плакать хотелось очень. Каждый день и каждую минуту. Вот только я не желала расставаться даже с каплей боли, переполнявшей душу. И я боялась забыть... Важное и пустяковое: голоса, фразы, улыбки, смех, принт на футболке, поворот головы, витринные окна отеля, высокий бокал с газировкой... *«Для шампанского ты еще маленькая, Дженни. Если бы ты только знала, как ты красива и притягательна. И теперь я точно могу гордиться своей силой воли...»* Память о последних счастливых месяцах — это все, что у меня осталось.

— Павел, как я по тебе скучаю... Вернись, пожалуйста... Пусть это невозможно, но ты вернись...

Открыв альбом и привычно задержавшись на одной из страниц, я погладила пальцем нарисованную красную розу, когда-то подаренную мне Павлом. Затем поднялась из-за стола и вышла из комнаты. Вечера в ноябре не радуют теплом, и, наверное, следовало захватить ветровку, однако мой путь не будет длинным: до бассейна всего не-

сколько метров. Сжав перила лестницы, я посмотрела вниз и никого не обнаружила.

«Это хорошо, останусь незамеченной. Надо бы в ремне проделать дополнительную дырку, а то джинсы уже сваливаются».

Около ворот Кирилл мыл машину, и я закусила губу, подозревая, что Егор уже дома. Рановато, но он уезжает в офис и возвращается, когда посчитает нужным. После смерти папы мой сводный брат возглавил империю Уваровых, и теперь в его руках все ветви семейного бизнеса. Егор Викторович. Так теперь его называет Эмма.

Уже неделю меня преследовала слабость, и я старалась не передвигаться быстро и не делать резких движений. Сначала пальцы начинали покалывать иголочки, потом немного немели ноги, и в итоге случалось короткое головокружение. Слабость была приятной, будто постепенно тело обволакивает невидимый ватный кокон, который мешает ходить, приглушает звуки и убаюкивает. Я знала, что мне нужно больше есть, но с трудом получалось впихнуть в себя хотя бы два кусочка сыра. Подступала тошнота, и крепко сжимались зубы.

Свернув на задний двор, я прошла под окнами комнат бабушки, оставила позади баню и... замерла, чувствуя, как в груди просыпается колючий страх. Двери столярной мастерской Егора были распахнуты, на дорожку лился свет, и в воздухе витали древесные запахи.

Он был там.

Мой опекун.

И пожалуй, самое лучшее, что я могла сделать, это развернуться и устремиться обратно. Но неведомая сила подтолкнула меня вперед.

Когда последний раз я видела Егора?.. Позавчера из окна? Или четыре дня назад? Я старательно следила за тем, чтобы наши миры не соприкасались, и это удавалось, но...

«Егор и Павел — близнецы. Были близнецами, потому что Павла больше нет... Должна ли я в таком случае говорить слово «были»? Нет, я не стану его произносить даже мысленно. Не стану. Почему нельзя вернуться в прошлое? Почему нельзя ничего исправить?..»

Я приблизилась к мастерской и прижала ладонь к шершавой двери. Душа требовала самообмана, и я решила ей уступить. Один маленький шаг. Второй. Третий. Нет, невозможно перепутать Егора и Павла, я лишь желала увидеть знакомые черты лица и на секунду представить, что самолет вовсе не разбивался. Одна секунда счастья — это так много...

На полу валялась стружка, с табурета свешивались пиджак и черная рубашка. А затем в глаза бросились ящики, доски, инструменты, странные штуки, похожие на бейсбольные биты, несколько станков, назначение которых было загадкой, два светлых новеньких стула с узкими спинками, а на краю тумбы стояла недавно открытая бутылка виски... Я уже узнавала этикетку и могла поспорить, что к утру бутылка опустеет.

Егор стоял ко мне спиной и, точно механический робот, не знающий усталости и отдыха, работал рубанком.

Стародавним, не электрическим. Спина и руки блестели от пота, мышцы напряглись, и по резким движениям было ясно, что мой сводный брат зол. Тонкая стружка падала на стол, а затем скатывалась на пол, древесная пыль липла к дорогим темно-серым брюкам, раздавался монотонный скользкий и шаркающий звук, и мое сердце билось все громче и громче.

Сейчас, когда я не видела выражения лица, не ловила холод в серо-голубых глазах Егора, не впитывала его неприязнь и даже ненависть, я...

«Отец летел в командировку — да, но Павел отправился с ним только из-за тебя, Дженни. Надеюсь, ты навсегда запомнишь, кто виноват в его смерти. Я не забуду точно». Слова Егора, сказанные неделю назад, острой болью отозвались в груди. Вздрогнув, я наступила на ветку, и та коротко хрустнула.

Я не сомневалась, что сейчас он обернется...

И поздно было бежать за тридевять земель.

Егор замер, затем медленно повернул голову в мою сторону, выпрямился, небрежно положил рубанок рядом с доской и направился ко мне. Лучшего момента для молитвы и не придумать.

Челка съехала на лоб, и Егор провел рукой по волосам, убирая их назад. Это было одно из привычных движений Павла, и я жадно впитала его, позабыв об осторожности. Темно-русые волосы, тяжелые брови, глаза формы миндаля, чуть заостренный нос, квадратный подбородок... Это то лицо, на которое я мечтала смотреть вечность! И это

тот человек, который непременно превратит мою жизнь в кошмар... Братья-близнецы. Один — самый добрый и лучший, а второй никогда не мог простить мне того, что однажды я перешагнула порог дома Уваровых и получила столь долгожданную любовь отца[1]. Папа меня любил. Очень.

Подхватив рубашку, Егор вытер пот с шеи и груди, отшвырнул ее и остановился напротив меня. Сейчас он выглядел старше своих двадцати лет, что было неудивительно. Горе, усталость, небритость и алкоголь добавляли еще года четыре. Горе. Странно, что оно у нас одно. Казалось, параллельные вселенные не должны пересекаться ни в одной точке.

Долгий изучающий взгляд Егора прошелся по мне с головы до ног и взметнулся вверх так хлестко и стремительно, что я качнулась. Наши глаза встретились, и я, защищаясь, вытянулась в струну и сжала кулаки. Конечно, я проиграю, но хотя бы две минуты пусть будут мои.

— Ты отвратительно выглядишь, — сухо произнес Егор, и я автоматически посмотрела на бутылку виски.

«Кто бы говорил... Я, по крайней мере, не пью».

— Мне все равно.

— Хочешь выпить? — спросил Егор, проследив за моим взглядом. На его губах появилась знакомая едкая усмешка, но через секунду от нее не осталось и следа. — Не советую. — голос прозвучал тихо и хрипло, а глаза Егора потем-

[1] Об этом можно прочитать в романе Ю. Климовой «Удача не плачет».

нели. — Алкоголь плохо влияет на детский мозг. Полагаю, вам в школе об этом рассказывали. — Ирония вспыхнула и погасла, а Егор продолжил цепко изучать меня, и увиденное ему точно не понравилось. — Иди в дом, — немного помолчав, добавил он. И, потеряв ко мне интерес, вернулся к столу и доске.

Но интуитивно я почувствовала перемену в его настроении, рубанок теперь двигался гораздо быстрее, а стружка, закручиваясь в длинную спираль, отлетала, подпрыгивая.

Метнувшись к бассейну, я плотно закрыла дверь, включила только дальний свет над водой, подошла к зеркалу и посмотрела на себя.

Не имело значения, растрепаны волосы или нет, есть на носу какой-нибудь прыщик или царапина, стало больше конопушек или они навсегда исчезли... Да ничего не имело значения! Но я не хотела выглядеть жалкой. Егор не должен был видеть меня раздавленной и беспомощной.

Глаза вновь защипало от слез, отражение задрожало, но потом стало четким. Я походила на обугленную щепку, которая по каким-то неведомым причинам не догорела. Голубые глаза погасли, вокруг них образовались темные круги, щеки впали, отчего лицо казалось вытянутым, уголки губ опустились, а сами губы поблекли и даже посинели. Тощая шея, выпирающие ключицы, руки-палки и ноги-палки...

Обернувшись, я посмотрела на спокойную воду, и из прошлого донеслись слова Павла: *«Дженни, если тебе понадобится хоть какая-нибудь помощь, ты всегда можешь обратиться ко мне. Ты... замечательная»*.

— Вернитесь, — прошептала я, обнимая себя за плечи и борясь с дрожью. — Пожалуйста, вернитесь... Папа... Павел... Это нечестно и несправедливо. Почему же я не полетела с вами?..

Сдерживать слезы уже не получалось, они требовали немедленной свободы. И я зарыдала, сначала бесшумно и судорожно, а потом громко и протяжно, погружаясь на дно тягучего горя. Есть желания, которые никогда не сбудутся, сколько ни загадывай их под бой курантов, сколько ни мечтай. Теперь я всегда буду одна. И пусть боль не уходит, я хочу жить вместе с ней... И больше нам никто не нужен.

Вытерев слезы трясущимися руками и несколько раз всхлипнув, я прижалась спиной к зеркалу, посмотрела на потолок, а затем разбежалась и прыгнула в бассейн. Вода охотно приняла меня и мгновенно сомкнулась над головой, но я почти сразу сделала несколько отчаянных гребков и направилась к противоположному бортику. Кофта, джинсы и кроссовки стали тяжелыми, ноги не слушались, и настойчиво мешала слабость, но я плыла, потому что однажды благодаря Павлу все же стала дельфином.

* * *

Несуществующий дым умеет душить не хуже настоящего, и несуществующее пламя способно обжигать до костей. Я и не думала, что ужасы снов когда-нибудь смогут так глубоко проникнуть в душу. Почти каждую ночь они с жадностью получали порцию моего безумного страха. Я слышала скрежет, видела пожары, в меня летели облом-

ки, или, наоборот, стояла звенящая тишина, и с неба медленно опускался серый бархатный пепел...

— Ммм, — простонала я, дернулась, открыла глаза и увидела рядом с кроватью Егора. Он сидел в кресле, положив ногу на ногу, и задумчиво смотрел на меня, будто решал какую-то непростую задачку. И пожалуй, это можно было посчитать продолжением ужасного сна. Натянув одеяло до подбородка, я понадеялась, что мираж непременно растает...

— Доброе утро, — без тени эмоций произнес Егор и побарабанил пальцами по подлокотнику. — Решил заглянуть к тебе в гости. Не возражаешь?

Внешне он сильно изменился. И, как ни странно, в лучшую сторону. Но это не могло обрадовать, наоборот, я насторожилась и приготовилась к худшему. Если враг выглядит так, будто собрался на парад, то расслабляться точно не стоит.

Отпустив одеяло и борясь с нервным напряжением, я села и немного отодвинулась ближе к подушке. Пижамная кофта съехала с тощего плеча, и я подтянула воротник к шее. «Надо закрывать дверь... Когда я перестала ее закрывать? Не помню...»

Егор был свеж, побрит, опрятен, а черную рубашку сменила свободная синяя футболка. Я хорошо помнила эту ледяную уверенность на его лице, расслабленную позу и ауру хозяина джунглей. Таким Егор был раньше. До трагедии. И похоже, к алкоголю со вчерашнего вечера он больше не притрагивался.

— Доброе утро, — осторожно ответила я, сильно сомневаясь, что оно будет именно таким. На день рождения папа подарил мне цепочку с подвеской: маленькая ветка дерева с крохотными листьями, а к ней на колечке прикреплена птичка. И сейчас я коснулась ее, стараясь справиться с волнением. В этот дом я переехала полгода назад, прошлой весной, и Егор ни разу не появлялся в моей комнате.

— Эмма говорит, что ты ничего не ешь. Это и так видно. Хочу предупредить, Дженни... Если ты не начнешь нормально питаться, я лично буду кормить тебя с ложки каждый день. И, поверь, вкусно не будет. Ясно? — Егор вопросительно приподнял бровь.

— Да.

— Дальше. Комнату Павла я закрыл на ключ и открою ее только тогда, когда ты наберешь хотя бы семь килограммов. Сообщи, когда это произойдет. И не стоит обманывать, я знаю, как приблизительно должен выглядеть нормальный и здоровый человек. Взвесишься сегодня. Весы есть в тренажерном зале, надеюсь, ты помнишь, где он находится.

— Но... — начала я и осеклась, чувствуя, как в груди начинает пульсировать паника. Егор не имел права лишать меня самого ценного и дорогого... Самого важного! И откуда он узнал, что я хожу в комнату Павла? Вряд ли ему пришло в голову задать подобный вопрос Эмме. Или это очевидно? Куда ж еще мне ходить, если кабинет папы занял Егор. — Пожалуйста, открой комнату Павла. Я обещаю хорошо есть. Честно.

Наверное, в голосе прозвучало слишком много отчаяния, но мне было все равно.

— Нет. Переходим к следующему пункту нашей воспитательной программы. Ты кричишь во сне. Что тебе снится?

Егор замер, и я почувствовала всю тяжесть его взгляда. Невозможно соврать, когда на тебя смотрят так, точно пытаются проткнуть тело особыми рентгеновскими лучами, способными показать даже личные тайны. Но я решила сделать попытку. Наверное, Егор услышал крики сейчас, пока ждал моего пробуждения. А один раз — это не постоянно... Не заходил же он в мою комнату раньше? Ночью.

— Я не кричу, — произнесла я и замотала головой, из последних сил отрицая правду. Нервы сдавали, я вовсе не была готова к такому требовательному натиску и именно в эти минуты по-настоящему начала понимать, что значит быть зависимой от воли другого человека. Если бы я могла, я бы увеличила разделяющее нас расстояние в два, три, четыре раза... В сто пятьдесят раз!

Губы Егора недовольно сжались и чуть скривились. Качнув ногой и сменив позу, он тяжело вздохнул, будто хотел подчеркнуть, что я испытываю его терпение.

— Что тебе снится? — проигнорировав ответ, повторил он.

Врать дальше не имело смысла, но как же тяжело было доверить свои страхи Егору...

Папа, Павел — вот те, к кому бы я пришла в трудную минуту, кого попросила бы о помощи и поддержке. Но их больше нет.

Стараясь не отводить глаза в сторону, я тихо произнесла:

— Как падает самолет.

«Как падает самолет с папой и Павлом».

— Дженни, еще один крик, и я начну спать вместе с тобой. — Егор выдержал паузу, с удовольствием впитал мою растерянность, подался вперед, прищурился и добавил: — Исключительно для того, чтобы старательно и вовремя ловить все падающие самолеты. Вопросы или возражения имеются?

Теперь и не получилось бы отвести взгляд, сердце подпрыгнуло и забилось часто-часто, увеличивая мучительное волнение. Я смотрела на Егора болезненно-неотрывно и торопливо пыталась понять: он привычно зло шутит или говорит серьезно? Наши отношения никогда не были добрыми, в лучшем случае — мы не замечали друг друга. А в худшем...

Моя мама умерла давно, когда я была совсем маленькой, и меня воспитывали дядя и тетя. Наверное, жизнь текла бы так и дальше, но однажды няня написала письмо моему отцу — Андрею Дмитриевичу Уварову, очень хорошему человеку и успешному бизнесмену. Вот так мы и познакомились.

Папа был женат на Елене Валерьевне, и он много лет воспитывал ее сыновей от первого брака — мальчиков-близнецов. Мальчиков... Так он их называл, хотя они давно выросли и уже учились в университете. И если Павел сразу окружил меня вниманием и заботой, то Егор, наоборот, не желал общаться. *«Будь добра, сделай так, чтобы я тебя видел как можно реже»*, — сказал он при первой же возможности.

— Но я не могу контролировать сны...

— Научишься. У тебя просто нет другого выхода. — Егор поднялся и, неторопливо изучая обстановку, подошел к письменному столу. Теперь я не видела его лица, он стоял спиной. — Вот уже несколько недель ты не посещаешь школу. Почему? Ты все знаешь? Сомневаюсь. — Рука Егора потянулась к моим блокнотам с рисунками, и я задержала дыхание, надеясь, что он не станет их открывать. Альбомы, блокноты, папки... Это мои личные дневники. Просто я не пишу, а рисую. — Сегодня ты начинаешь нормально питаться, за выходные приводишь себя в порядок, а в понедельник Кирилл отвезет тебя на занятия. И я не хочу, чтобы ты получала оценки ниже четверки. — Егор коснулся верхнего блокнота, немного помедлил и, видимо, потеряв интерес к моим художествам, убрал руку. — Никогда не думал, что придется следить за чьей-то успеваемостью, но, кажется, мы дошли и до этого абсурда... Дженни, если ты получишь тройку, то следующее домашнее задание я буду проверять. Особенно меня порадуют устные предметы. — Развернувшись, Егор насмешливо улыбнулся. — Ты же наверняка хочешь рассказать мне о внешней политике России накануне Первой мировой войны. Или что вы там проходите? Пришли мне логин и пароль для электронного дневника, буду с утра до вечера гордиться твоими школьными оценками. Видишь, какой я добросовестный опекун. За пять минут решил все важные вопросы. Вставай, одевайся и спускайся к завтраку. Жду тебя в столовой через пятнадцать минут.

Егор ушел, а я некоторое время сидела неподвижно и смотрела на дверь. Перемены, произошедшие за ночь, должны были иметь какое-либо объяснение, я пыталась понять их, чтобы знать, чего ожидать дальше...

Мы давно не виделись с Егором лицом к лицу, и, возможно, вчера его потряс мой жалкий внешний вид.

«Нет, исключено. Он не станет переживать из-за меня даже секунду».

С катастрофы прошло немногим меньше месяца, и я могла предположить, что Егор решил начать новую жизнь. Рано или поздно это должно было случиться, потому что на плечи моего сводного брата свалился груз ответственности за семейный бизнес. Какой уж тут алкоголь... Посмотрев на настенные часы и прикинув, что у меня есть немного времени, я слезла с кровати, босиком подошла к столу и включила ноутбук.

— Опекунство... — прошептала я, набирая слово в строке поиска.— *«Опека устанавливается над детьми до четырнадцати лет...»* А старше?

Предложения побежали перед глазами, и я принялась бегло читать, узнавая много нового и не всегда понятного. «Наши отношения с Егором — это попечительство... вроде... В таком случае он не имеет права совершать сделки от моего имени... Я их должна совершать сама».

— *«Попечитель воспитывает, занимается образованием подопечного, содержит его»,* — прочитала я, подперла щеку кулаком и продолжила изучение этой темы.

Информация посыпалась обрывочно, взгляд выхватывал то один абзац, то другой. Я вряд ли смогла бы разобраться в нюансах сразу, и к тому же жизнь всегда отличается от законов и правил. Да, я — наследница, половина бизнеса отца принадлежит мне. Но какие сделки я в состоянии совершить самостоятельно, если не имею опыта и знаний? И правильно ли я поняла то, о чем говорится в статье?

«Наверное, Егора я все же буду называть опекуном. Попечитель — непривычное слово».

Мобильник загудел и отвлек меня от скачущих в голове мыслей, большая часть которых заканчивалась вопросительным знаком. Увидев, что звонит Лиза, я торопливо приняла вызов. Теперь няня была единственным добрым человеком в моей жизни, вот только расстояние разделяло нас.

— Голубушка моя, ну как ты сегодня? — спросила Лиза, и я улыбнулась, радуясь оттого, что слышу ее голос. После разговора с Егором мне явно требовалась небольшая поддержка.

— Нормально, с понедельника опять буду ездить в школу.

— Это хорошо. Горе приходит ко всем, так уж устроено на этом свете... К кому-то раньше, а к кому-то позже. Тебе, конечно, оно досталось совсем уж в юном возрасте, но ничего не поделаешь, надо жить дальше. — Я представила, как Лиза хмурится и на ее круглом лице появляется печаль, щедро добавляющая морщин. Наверное, седые во-

лосы няни привычно и аккуратно собраны в низкий пучок и заколоты черными шпильками. — Как бы я хотела увидеть тебя, Дженни. Уверена, ты там исхудала, кожа да кости остались... Уж я бы тебя откормила!

— Нет, я почти не похудела, — бессовестно соврала я, не желая расстраивать Лизу. — А как ты себя чувствуешь?

— Как обычно, ничего нового у меня не происходит. Вчера вот с Викой поругалась. Репетитор по русскому языку пришел, а твоя двоюродная сестра за полтора часа до этого собралась и уехала куда-то. Обещала вернуться, но не явилась. Как же я устала с ней воевать. А я чего звоню-то... — спохватилась Лиза и продолжила тише: — Марина Аркадьевна завтра собирается к вам в гости, побеседовать с тобой хочет.

— Завтра? — эхом уточнила я.

— Да. Я слышала, как она разговаривала с твоим сводным братом. Резко разговаривала, на повышенных тонах. Думаю, он против того, чтобы Марина Аркадьевна приезжала к тебе. Она несколько раз повторила: «Дженни — моя племянница, и я имею право с ней встретиться. Кто еще утешит бедную девочку в трудную минуту? Вы мне отказываете уже две недели».

Беседовать с тетей не было никакого желания, я старательно избегала общения. Она звонила несколько раз, но я или не брала трубку, или отвечала односложно, стараясь быстрее попрощаться. После пары дежурных и наигранно ласковых фраз Марина Аркадьевна обычно стремительно переходила к делу. В такие моменты я начинала чувство-

вать настойчивую тошноту. «Дженни, Егор тебе совершенно чужой человек. Ты не можешь доверить ему свое будущее. И деньги! Как он поступит с ними? Учтет ли он твои интересы? Сомневаюсь. Ты должна вернуться в семью. В нашу семью. Мы поможем тебе распорядиться финансами правильно. Максимально правильно! Например, мы бы вложили часть денег в бизнес Юрия Викторовича. Твой дядя каждый день спрашивает, когда ты приедешь к нам в гости. Дженни, только близкие родственники позаботятся о тебе должным образом. Прошу, не соглашайся на опекунство Егора! Не будь столь наивной!»

Да, Егор действительно совершенно чужой мне человек, к тому же не слишком хороший, но я знаю точно: он не пустит по ветру состояние семьи Уваровых. Отец для него значил слишком много. И сейчас значит. Именно поэтому я согласилась на опекунство Егора, нельзя позволить дяде и тете разрушить то, что было так важно для папы.

— Если честно, то я не хотела бы пока встречаться с тетей. Лучше позже, когда будут оформлены документы... — Взяв с полки шкафа джинсы и черную футболку, я подошла к креслу. Но взгляд автоматически остановился на двери. Теперь не получится переодеваться, предварительно не повернув замок на два оборота.

— Я почти ничего не знаю о Егоре, ты мало про него рассказывала, но вряд ли тебе стоит возвращаться к нам... А Марина Аркадьевна и Юрий Викторович явно желают твоего возвращения. — Лиза шумно вздохнула и наверняка покачала головой. — Дженни, не торопись принимать

решение. После того как твой дядя уволился и открыл собственное дело, в доме очень нервозная обстановка. То ли денег ему не хватает, то ли еще что... Не разбираюсь я в этом. Подожди... Кажется, Марина Аркадьевна зовет меня... Я позвоню завтра. Очень прошу, не забывай хорошо питаться!

— Обещаю, — ответила я, надеясь каким-то невероятным образом поправиться на необходимые семь килограммов.

Пятнадцать минут прошли. Однако, спустившись на первый этаж, я все же не удержалась и подошла к комнате Павла. Оставалась призрачная надежда на то, что Егор просто напугал меня, и стоит лишь нажать на ручку — и дверь откроется.

Но... дверь оказалась закрытой, и она безжалостно отделяла меня от счастливого прошлого, от тех вещей, к которым когда-то прикасался Павел. Сжав губы, чтобы не разрыдаться, я направилась в столовую.

Егор уже доедал яичницу, а напротив него, на моем обычном месте, стояла тарелка с овсяной кашей.

— Приятного аппетита, — дежурно произнесла я, стараясь не показывать отвращения. И к нему, и к каше.

— Приятного, — ответил Егор и сделал глоток воды. Его внимание было приковано к страницам журнала, но я кожей чувствовала, что каждое мое движение не остается незамеченным.

— Пожалуйста, открой комнату Павла, я буду есть, — сделала я еще одну попытку.

— Нет.

Белый хлеб, светло-серая керамическая масленка, тонкая нарезка колбасы и сыра, вафельные трубочки с вареной сгущенкой...

Задержав дыхание, отрицая запахи еды, я отправила в рот немного остывшей каши и сразу ее проглотила. Желудок отозвался повторяющимися спазмами.

Сколько ложек в меня влезет? Две или три, не больше. Но с таким количеством калорий я никогда не поправлюсь.

— Ты сегодня поедешь в университет? — осторожно спросила я.

— Поеду, так что можешь расслабиться. Терпеть меня за обедом тебе не придется. — Егор усмехнулся и перевернул страницу. — Завтра в два часа нас навестит твоя несравненная тетя. Ничего не планируй на это время, будь дома. — Он поднял голову и испытующе посмотрел на меня, будто хотел найти ответ на главный вопрос: не передумаю ли я, не выберу ли другого попечителя?

К моим дяде и тете Егор относился, мягко говоря, плохо. Весной Марина Аркадьевна и Юрий Викторович потребовали приличную сумму денег в обмен на мою свободу. Если бы папа не согласился заплатить, то, наверное, я переехала бы к нему лишь через год или через два. Подобные разбирательства обычно тянутся долго.

Я нарочно ничего не ответила и лишь медленно отправила в рот следующую ложку каши. Гадкая тошнота сделала овсянку соленой, и я замерла, умоляя организм хоть как-то справиться с этой проблемой.

Я твое ненастье

Вот почему Егор изменился. Завтра приезжает Марина Аркадьевна, и если она увидит меня в таком плачевном состоянии, то...

Да, я щепка, которая не догорела.

Даст ли это тете шанс не допустить опекунства Егора? Моего сводного брата вполне можно обвинить в том, что он плохо обо мне заботится.

Каша устремилась к желудку, но больше я съесть не могла. Меня бы вывернуло наизнанку, и организм потерял бы даже эти драгоценные калории.

— Спасибо, я позавтракала, — произнесла я и встретила недовольный, тяжелый взгляд серо-голубых глаз.

«Не смотри на меня, не смотри...» — мысленно протараторила я и отвернулась.

Многозначительно промолчав в ответ, Егор неторопливо поднялся и вышел из столовой. А я закрыла лицо руками и задрожала, отчаянно ненавидя каждый его шаг.

Павел полетел с папой, потому что все узнали о наших отношениях, и поэтому Егор считает именно меня виновной в гибели брата. Я вспоминаю его слова несколько раз в день, они вспыхивают и начинают стучать в висках: «*Павел отправился с отцом только из-за тебя, Дженни. Надеюсь, ты навсегда запомнишь, кто виноват в его смерти. Я не забуду точно*». И самым страшным является то, что я уже и сама начинаю так думать...

Глава 2

КОГДА Я ВСЕМ НУЖНА...

Длинная темно-серая юбка и черный джемпер подчеркивали худобу. Я тонула в одежде и выглядела полупрозрачной стрекозой, потерявшей крылья. Наверное, они оторвались при сильном порыве ветра или попросту засохли и осыпались на пол...

«Это надо исправить хоть как-нибудь».

Я бы ни за что не прихорашивалась к приходу тети, но страх оказаться под ее попечительством остановил взгляд на косметике. У Марины Аркадьевны не должно быть поводов забрать меня из этого дома, а значит, придется помогать Егору... Тетя вполне может обратиться в органы опеки или в суд с требованием о помощи: «Несчастная сирота страдает в чужом доме. Необходимо немедленно вернуть ее мне!» Я почти услышала крикливый голос Марины Аркадьевны.

— Круги под глазами нужно замазать, — тихо произнесла я и протянула руку к консилеру.

Вчера и сегодня я старательно ела малюсенькими порциями раз в час. Прогресс наметился, тошнота отступала уже быстрее, но, конечно, я оставалась худющей и бледной. Без тонального крема и румян не стоило отправляться в библиотеку.

«Я очень рада вас видеть. Не волнуйтесь, у меня все хорошо», — мысленно отрепетировала я фразу, которую собиралась сказать Марине Аркадьевне.

После трагедии я точно стала старше, пропали легкость, торопливость, блеск в глазах... Пропало счастье. Теперь я даже предложения формулировала иначе, будто слова по пути к горлу перемешивались с песком.

«Два часа. Пора».

Егор назначил встречу в библиотеке, что было странно. Гостей обычно приглашали в гостиную, куда Эмма приносила маленькие закуски и вино или чай и выпечку. Если же близился обед, то подключалась еще и повар Вера — в просторной и светлой столовой накрывали на стол, и речь шла уже о салатах и горячих блюдах. Обыкновенная жизнь большого дома Уваровых. Но, перешагнув порог библиотеки, я сразу поняла задумку Егора... В этой комнате посторонний человек, приехавший с недобрыми намерениями, расслабиться не сумеет. Не то освещение. Стеллажи, полки и сдержанное кабинетное настроение. Здесь может отдыхать только тот, кого волнует запах книг, а не собственные интриги.

Тетя ждала меня, и на ее полном лице отражалось знакомое недовольство. Ей явно было тесно в черном кожаном кресле, да и ожидание наверняка раздражало. Мы давно не виделись, и я сразу отметила и новый цвет волос Марины Аркадьевны — темная рыжина, и слишком тонко выщипанные брови. В воздухе витал сладкий аромат ее любимых духов.

— Дженни... Боже! Какая ты худая! Кто-нибудь в этом доме следит за твоим питанием? — Марина Аркадьевна с трудом выбралась из кресла, одернула задравшуюся розовую кофту, явно маловатую по размеру, и прижала меня к пышной груди. Аромат духов усилился, и я поняла, что в ближайшие пару часов точно не смогу ничего съесть. — И у тебя совершенно болезненный вид, — отстранив меня и нахмурившись, добавила Марина Аркадьевна. В ее голосе и движениях было достаточно наигранности, пожалуй, это был первый раз за всю мою жизнь, когда тетя обняла меня. — Я непременно буду разговаривать с Егором. Похоже, твое здоровье его не беспокоит. — Поджав губы, Марина Аркадьевна вернулась в кресло. Теперь ее спина была ровной, глаза блестели, а на щеках появился румянец удовольствия. — Я лишний раз убедилась в том, что каждый человек непременно должен жить там, где находятся его близкие люди. По-настоящему близкие.

Устроившись напротив и получив возможность что-то сказать, я заученно произнесла:

— Очень рада вас видеть. Не волнуйтесь, у меня все хорошо.

— Нет уж, волноваться теперь я буду с утра до вечера. Ты посещаешь школу? — Брови-ниточки вопросительно приподнялись. Тетя замерла, желая немедленно получить еще одно доказательство неспособности Егора заботиться о юной особе шестнадцати лет.

— Да, — соврала я.

— Успеваемость понизилась?

— Нет.

— Это отличная новость, — важно кивнула тетя, скрыв разочарование, и через пару секунд приторно улыбнулась. — Если бы ты знала, как мы скучаем. Я не устану это повторять... Когда ты приедешь к нам, Дженни? В твою комнату никто не заходит, и ты найдешь свои вещи на привычных местах. Даже оставшуюся одежду. Как приятно вновь очутиться там, где вырос, не правда ли?

Марина Аркадьевна мечтательно посмотрела на потолок и вздохнула. Ее полная рука легла на подлокотник, и в глаза бросился золотой плетеный браслет, украшенный тремя крупными камнями в тон кофты. Точно две змеи переплелись, и получилось украшение.

— Да, приятно, — решила согласиться я, не желая вступать в спор.

— Мы с твоим дядей мечтаем, чтобы ты получила хорошее образование. Сейчас у тебя мало знаний и опыта... Наше участие в твоей судьбе необходимо. Я не могу поверить, что ты хочешь остаться здесь. Дженни, не стоит доверять Егору. — Последнюю фразу Марина Аркадьевна произнесла тише, будто боялась, что нас подслушивают. — Доверять ты должна только нам. Мы тебя вырастили. Что ты молчишь? — Тетя подалась вперед и просверлила меня требовательным взглядом.

— Здесь жил папа, и поэтому я не планирую уезжать, — ответила я быстро. Аргумент казался весомым.

— Когда я тебя слушаю, я лишний раз убеждаюсь в том, что ты еще ребенок. Не нужно думать об этих сте-

нах. Ты получила огромное наследство, и очень важно его сохранить. Ты обязана выбрать своими попечителями меня и Юрия Викторовича, в таком случае Егор не сможет воспользоваться твоей наивностью. — Марина Аркадьевна нервно поправила прическу и добавила с нажимом: — Надеюсь, ты помнишь, как много мы сделали для тебя, и пора бы проявить благодарность.

Тетя явно теряла терпение, ее настрой и выражение лица менялись стремительно. С одной стороны, со мной надо было разговаривать ласково, а с другой... Где ж взять столько ласки, если я пуленепробиваемая?

— Я хорошо отношусь к Егору, — опять соврала я и принялась разглядывать рисунок паркетной доски. Пока получалось отвечать кратко, увиливая от главных вопросов. — Он был правой рукой папы.

Наверное, Марина Аркадьевна и Юрий Викторович давно бы обратились в органы опеки и потребовали немедленного возвращения племянницы, но без моего твердого «да» шансы на успех равнялись нулю.

— Дженни, сейчас тебе кажется, что денег много и с ними ничего случиться не может, однако это не так... Да, ты получила огромное наследство, но деньги любят счет! Уж твой дядя разбирается в подобных вопросах, и он лучше других знает, как сберечь твое состояние. Дорогая, ты вернешься в наш дом? — медовые нотки вновь появились в голосе Марины Аркадьевны.

Не имело смысла объяснять тете, что деньги меня интересуют меньше всего на свете. А уж дяде я вообще не дове-

ряла... И я помнила те презрительные и раздражительные взгляды, которыми он одаривал меня долгие годы.

— Я останусь здесь.

Пальцы Марины Аркадьевны сжались в кулаки, и она явно сдержалась, чтобы не стукнуть ими по подлокотникам кресла. Две змейки браслета будто ожили, зашевелились и зашипели на меня.

— Здесь душно, — резко произнесла тетя, гневно вздернула подбородок и добавила: — Открой окно.

Наверное, ей требовались передышка и новые аргументы, чтобы вновь ринуться в бой и все же разрушить мое упорство. Вот только я отступать не собиралась и даже боялась, что каким-либо образом тете и дяде удастся достичь желаемого.

К окну я устремилась с удовольствием. Дышать сразу стало легче, а души коснулось теплое и драгоценное воспоминание. Вот тот самый подоконник, на котором я сидела месяц назад... Павел обнимал меня, целовал, и по телу бежали ручейки головокружительного счастья, и сердце стучало быстро-быстро... Это было наше последнее свидание. Тайное, как и все предыдущие. Хотя не совсем тайное, раз Елена Валерьевна нас обнаружила, и мы оказались в центре сдержанного, но болезненного семейного скандала.

«Павел... Интересно, ты видишь меня с неба?..»

Дотронувшись до подоконника, я на несколько секунд закрыла глаза и стремительно полетела в прошлое. Но в черном кожаном кресле меня ждала Марина Аркадьевна...

Если я и хотела поехать в гости к дяде и тете, то только из-за няни. Однако я не была уверена, что Егор даст согласие на поездку. *«Дженни, еще один крик, и я начну спать вместе с тобой. Исключительно для того, чтобы старательно и вовремя ловить все падающие самолеты»*. Фраза неожиданно зазвенела в ушах, и следующие два шага дались с трудом, будто ноги ступили в вязкое болото, которое способно вытянуть из организма жизненно важные силы.

«Он же шутил, да?»

Странное тревожное ощущение пробежало по спине, затем страх в груди дернулся и медленно, но верно стал превращаться в протест, и совсем другие вопросы потребовали к себе внимания:

«А если я не буду слушаться Егора... Ни в чем. То что он сделает? Комната Павла заперта, а хуже наказать меня все равно невозможно. Или возможно?»

Об этом точно следовало подумать немного позже. Распахнув окно, я шумно втянула свежий прохладный воздух и посмотрела на почти голые яблони. Проснется же однажды весна, и они опять зацветут. И наверное, я опять смогу рисовать, приду сюда и разложу на широком подоконнике альбом и акварель. Нет... Вряд ли это когда-нибудь случится.

Возвращалась я неторопливо, растягивая время, разглядывая по пути тонкие и толстые корешки книг. И я не сразу сообразила, что тетя с кем-то разговаривает, до меня донеслись обрывки фраз, напоминающие по скорости автоматную очередь.

— ... Вы уже подали документы, и их рассматривают... я считаю это совершенно неверным... девочке нужен покой и забота... Повторяю — покой и забота!

Подтянув сползающую с бедер юбку, я вышла из-за стеллажа и увидела Егора. Он стоял молча, лениво привалившись к дверному косяку, и с абсолютным равнодушием смотрел на раскрасневшуюся от клокочущих эмоций Марину Аркадьевну.

— Во вторник Дженни даст согласие, и вы наконец-то перестанете поднимать этот вопрос, — холодно ответил Егор и, почувствовав мое присутствие, повернул голову. — А вот и моя любимая младшая сестра. — Он отлип от дверного косяка, широко улыбнулся и уселся в кресло, стоящее рядом.

— Господи... На Дженни страшно смотреть! — Тетя прижала к груди ладонь и принялась мотать головой. — Разве так должен выглядеть счастливый человек? А я своей племяннице желаю исключительно счастья. Егор, не кажется ли вам, что пришло время подумать не о личных амбициях, а о благополучии несчастной сироты? На кого она похожа!

— С Дженни все в порядке, и именно так должен выглядеть человек, потерявший отца и брата. — Взгляд Егора бегло ощупал мою тощую фигуру и вновь устремился на Марину Аркадьевну. — Если у вас хоть о ком-то болит душа, то тут уж не до пирогов и булок, не правда ли?

Это был явный намек на излишнюю полноту тети, и я напряглась, ожидая немедленной ответной реакции. Ма-

рина Аркадьевна и раньше была женщиной крепкой, но за последние полгода поправилась килограммов на десять или даже пятнадцать. И она всегда носила одежду преимущественно ярких тонов, обтягивающую фигуру, что ухудшало общее впечатление.

Глаза Егора довольно сверкнули, по его губам скользнула мимолетная усмешка.

— Что вы говорите?.. — нервно выдохнула Марина Аркадьевна.

— Правду.

Предчувствуя скандал, я опустилась на стул и автоматически положила руки на колени. Егор может изображать вежливость и демонстрировать сдержанность, но интуиция подсказывала, что сейчас он этого делать не станет. Он хозяин положения и к моей тете еще с весны относится плохо.

Наверное, это ощутила и Марина Аркадьевна. Взяв несколько секунд на передышку и побагровев, она вцепилась в подлокотники и все же решила не портить отношения с Егором. Дернув плечом, тетя привалилась к спинке кресла и как ни в чем не бывало произнесла:

— Я слишком мало пообщалась с Дженни, я бы хотела продолжить разговор.

— Продолжайте, — просто ответил Егор, взял с журнального столика какую-то книгу и открыл ее на первой попавшейся странице. Всем своим видом он показывал, что никуда уходить не собирается и даже надеяться на это глупо. Но это было лишь внешнее спокойствие, я не со-

мневалась, что в любую секунду «хищник готов совершить прыжок».

Конечно, тетя не могла сказать: «Вы нам мешаете», ей ничего не оставалось, как только смириться с ситуацией. Егор рассчитал точно: в первой части разговора редко принимаются решения, а вот во второй...

— Дженни должна приехать к нам в гости, — с нажимом произнесла Марина Аркадьевна, стараясь сохранить тон ревизора, возглавляющего проверку.

— Когда бы вы хотели ее видеть? — без тени напряжения поинтересовался Егор.

— Я бы хотела ее видеть каждый день. Но, наверное, вам этого не понять. — Тете настолько понравился собственный ответ, что она даже улыбнулась.

Ни Егор, ни Марина Аркадьевна не обращали на меня внимания, и я продолжала сидеть молча, пытаясь угадать следующий вопрос или ответ. Тетя проигрывала не только словами, но и мимикой, интонацией, жестами... Она явно недооценивала противника и пыталась навязать правила игры. Однако Егор не из тех людей, которых интересуют правила. Он из тех, кто одним ударом переворачивает доску с шахматными фигурами, перешагивает ее и идет дальше по своим делам, не оборачиваясь.

— Отчего же. Я тоже нуждаюсь в Дженни каждый день. — Егор оторвался от книги и улыбнулся. Такая улыбка вполне может заменить единственный патрон в барабане револьвера, когда двое, в качестве смертельного развлечения, выбирают русскую рулетку. Но тетя не тянула на

противника, и Егор это понимал. — Мне тяжело расставаться с ней надолго.

— Вы забываете... Дженни — не ваша родная сестра, — подчеркнула Марина Аркадьевна, угадывая издевку. Она наконец-то посмотрела на меня, будто желала убедиться, что я существую и никуда не делась.

— Меня мало интересуют формальности. Какой день для встречи вы выбираете?

— Послезавтра, в понедельник, будет вполне удобно. У Вики нет репетиторов, и девочки смогут подольше пообщаться. Двоюродные сестры и... И не видятся! Это меня бесконечно расстраивает.

— Вы совершенно правы, так не должно быть. Именно поэтому я сам привезу Дженни к вам в среду.

— В среду?

— Да.

Лицо Марины Аркадьевны сначала побелело, а затем покрылось красными пятнами. Я почувствовала ее растерянность, перемешанную с негодованием, и перевела взгляд на Егора. Вот теперь и он смотрел на меня, и в его глазах безошибочно читалось: «Ты — моя собственность, я никому не позволю протянуть свои грязные ручонки к достижениям отца. И если нужно, ты будешь находиться рядом со мной с утра до вечера».

— Но... — вырвалось из груди Марины Аркадьевны.

Однако к этому ничего добавить не получилось. Егор дал понять, что шансов переубедить меня больше не появится. Во вторник мы едем в опеку, где я официально

соглашусь доверить свою судьбу сводному брату. Егору. И встречаться со мной в среду — бессмысленно. Тетя проиграла.

— Добрый день, — раздался царственный голос, и, обернувшись к двери, я увидела бабушку. Она сняла траур, и это было первое, о чем я подумала.

«Да, меня так просто не отдадут», — пронеслась вторая изумленная мысль.

* * *

Бабушка выглядела так, будто только что поднялась с трона. Для общей картины не хватало лишь мантии и тяжелой короны, усыпанной драгоценными камнями. Высокая, худая, в длинном прямом платье благородного серого цвета, со старинным жемчужным ожерельем, она производила впечатление женщины, давно разгадавшей тайну времени. И никто бы не сказал, что возраст бабушки близится к семидесяти. Аристократизм и ухоженность не то чтобы стирали годы, они делали их непонятными, путали цифры и отдаляли предположения.

Слегка вьющиеся седые волосы были уложены с художественной небрежностью, легкий макияж делал лицо свежим и невероятным образом прятал следы многодневной душевной боли. Хотя нет, это сила духа не знала границ: бабушке требовалось в один миг перечеркнуть страдания, и она справилась с этим. И я догадывалась, что вытащило ее из глубокого траура — мысль о том, что единственная внучка, продолжательница рода, может покинуть этот дом.

Бабушка и Егор обменялись быстрыми взглядами, подтверждающими мои подозрения. Наверняка вчера на другой половине дома состоялось совещание, и моя встреча с Мариной Аркадьевной была расписана по минутам: когда в библиотеку захожу я, когда появляется Егор и когда перешагивает порог бабушка...

Несколько недель тетю удавалось держать на расстоянии, атаковать меня она могла лишь по телефону, а теперь — последний аккорд. И я не сомневалась, что бабушка настаивала на своем появлении, она всегда участвовала в жизни семьи и никогда не оставалась в стороне. И потом, одно дело, когда за меня борется сводный брат, и совсем другое, когда на первый план выходит родная бабушка.

Егор поднялся, уступая место, и сделал шаг в сторону. Его глаза хищно блеснули, не обещая ничего хорошего моей тете.

— Добрый день. — Марина Аркадьевна заерзала в кресле, чувствуя себя неловко. Теперь против нее было сразу два противника, причем оба из разряда сильных. Противники-профессионалы.

— Рада видеть вас. — бабушка кивнула Марине Аркадьевне и добавила чуть осуждающим тоном: — Наконец-то вы приехали проведать племянницу. Дженни было очень тяжело.

Она практически обвинила мою тетю в равнодушии и при этом знала, что Егор не разрешал приезжать ни Марине Аркадьевне, ни Юрию Викторовичу.

«Бабушка, ничего не изменилось, да? Ты по-прежнему серый кардинал, раскладывающий перед собой чужие судьбы, точно карты...»

Плавно опустившись в кресло, она посмотрела на меня, будто собиралась ответить: «Ты права. Я вернулась. Ни у кого не получится вмешаться в жизнь нашей семьи. Я не позволю».

Мама назвала меня в честь бабушки, так что имя у нас было одинаковое — Дженнифер. Но мы не совпадали ни одной чертой характера.

— Я неоднократно обращалась к вам, Егор, с просьбой разрешить мне приехать, однако вы отвечали отказом, — с нажимом произнесла Марина Аркадьевна и занервничала еще больше. На ее лбу выступили еле заметные капельки пота, пальцы принялись теребить край кофты. Наверное, тетя уже чувствовала окончательный и бесповоротный проигрыш. — А уж меня больше всех интересует судьба Дженни! Мы, между прочим, ее воспитывали пятнадцать лет.

— Я очень благодарна вам за то участие, которое вы приняли в судьбе моей любимой внучки, — дежурно улыбнулась бабушка. — И раз мы с Дженни были так долго в разлуке, а вы имели возможность с ней видеться каждый день, то... Дженни останется у нас. Это справедливо и правильно. К сожалению, мой возраст не позволяет оформить соответствующие бумаги, официально заботу о Дженни возьмет на себя Егор. Тем более что моя внучка сама этого хочет.

И я сразу ощутила на себе три взгляда — совершенно разные, и ни один из них не обещал тепла и поддержки. Да я и не ждала этого, только папа и Павел могли меня согреть...

«Меньше всего на свете я хочу такого опекуна», — вспыхнула правда, но вслух я произнесла совсем другие слова:

— Моим опекуном будет Егор, я это давно решила.

Марина Аркадьевна уходила торопливо, с гордо поднятой головой, демонстрируя несогласие и вселенскую обиду. А в моей душе росла и крепла уверенность, что такой ответ она не простит никогда. Однако, покидая библиотеку и забирая с собой приторный аромат духов, тетя все же повернула голову и деловито сказала Егору:

— Привезите Дженни в среду, вы мне это обещали.

— Непременно. Я провожу вас. — Но он не последовал за Мариной Аркадьевной сразу, а обернулся, посмотрел на меня и приказным тоном добавил: — Жди меня в столовой, я сейчас приду.

Промолчав в ответ, я сцепила пальцы перед собой и увидела, что они дрожат. Не так уж легко мне дался этот спектакль, где у каждого была своя главная роль. Сделав глубокий вдох и выдох, я встретила внимательный взгляд бабушки. Она изучала меня. Вероятно, обращала внимание на худобу и смятение и думала о прошлом, настоящем и будущем. Иначе и быть не могло. По лицу проносились тени, в глазах вспыхивали огненные мысли, и где-то там, на перекрестках сложносочиненных планов бабушки, опять содрогалась моя судьба...

Я твое ненастье

— Добрый день, Дженни, — произнесла она так, будто пришла в библиотеку только что.

— Добрый день.

— Надо жить дальше, не так ли?

— Да. — Я кивнула, не собираясь возражать.

— Ты поступила правильно. Я никогда не сомневалась в том, что ты умная девочка. Мы непременно обо всем поговорим позже, а пока... — Бабушка встала и плавно направилась к двери. Наверное, первый «выход в свет» после трагедии ей тоже дался нелегко, однако походка осталась царственной и плечи были расправлены. — Слушайся Егора, он теперь глава семьи, — долетел до меня удаляющийся голос бабушки. В нем не было ласки или понимания, в нем звучал металл.

Минут пять я сидела неподвижно и впитывала звенящую пустоту. Мне нравилось ее ощущать... Она щедро дарила передышку. Ничего не болит. Пусто-та... А затем я поднялась и зашагала в столовую.

«Интересно, что мне хочет сказать Егор? Что теперь я — его собственность?»

Пожалуй, услышав это, я бы не удивилась.

Глава 3

ТАМ, ГДЕ ДУША ЗАМИРАЕТ

— Егор Викторович попросил приготовить бутерброды. Вы поедите вместе с ним? — глядя на меня с надеждой, спросила Эмма.

— Да, большое спасибо.

Теперь следовало выбирать высококалорийную пищу, только так я могла приблизиться к заветной цели. И от хлеба с маслом отказываться не стоило. Спектакль в библиотеке лишил меня сил, и я бы многое отдала, чтобы именно сейчас оказаться в комнате Павла. Я бы легла на его кровать, прижала к груди подушку и уловила далекий, возможно, уже несуществующий аромат мужского парфюма. Родной аромат...

«Скорей бы поправиться на эти ненавистные семь килограммов».

Голова немного кружилась, и когда Эмма принесла чай, я поторопилась сделать пару больших обжигающих глотков. Стало легче, однако слабость вернулась, как только раздались приближающиеся шаги Егора. Он шел уверенно, как всегда. И довольно быстро. Сердце сжалось, и я взяла бутерброд с сыром, чтобы занять себя и не демонстрировать нервное напряжение. Очень хотелось обернуться, но я сдержалась.

— Завтра утром мы поедем на кладбище. Будь готова к девяти часам, — ровно произнес Егор, усевшись напротив. — Какие цветы ты бы хотела взять с собой?

Наши глаза встретились, и картинка качнулась, предвещая очередной приступ головокружения. Я ожидала услышать что угодно, но только не это. Привычно я готовилась к плохим новостям или малоприятным требованиям.

«Мы едем на кладбище?..»

В доброту Егора категорически нельзя было верить, а значит, таким образом меня решили поощрить за отказ тете. Отличный ход, должна же я знать на будущее, что послушание приносит определенные жизненно важные бонусы. Похоже, воспитание кнутом и пряником будет актуально во все времена...

— Розы. Красные, — тихо ответила я.

Конечно, и Егор, и Елена Валерьевна неоднократно ездили на кладбище, но меня-то с собой раньше они никогда не брали.

— Хорошо. На сколько ты поправилась?

— На сто граммов.

— Неплохой результат... — Егор усмехнулся и продолжил смотреть на меня, отчего по коже побежали колючие мурашки. Это был странный взгляд, и никак не получалось подобрать к нему правильное определение. Он настойчиво вытягивал из меня остатки сил, но при этом будто держал, чтобы я не рассыпалась в пыль. — Может, тебе нужны репетиторы?

— Нет, я справлюсь.

Взгляд Егора стал тяжелее. И я бы точно не хотела узнать, какие мысли в эту минуту крутятся в его голове.

— Посмотрим...

Потеряв ко мне интерес, Егор отправил на свою тарелку два бутерброда, налил чай и стал есть. Его внимание было приковано к мобильному телефону, что позволило мне расслабиться и подумать. Егор что-то читал, а я повторяла и повторяла:

«Завтра я еду на кладбище... завтра... еду на кладбище...»

Тягучая боль подступила к сердцу и окружила его со всех сторон. Я сжала край стола и украдкой глянула вправо. Вот стул Павла, а вот стул папы... Они пусты, и вряд ли в ближайшее время кто-нибудь посмеет на них сесть. Закрыв глаза, я увидела любимые лица и услышала отдаленные голоса, которые очень хотелось приблизить. Но слова уносились в неведомую даль, и понять их, к сожалению, было невозможно...

— Отвратительная погода, и на дорогах пробки. — резкий голос Елены Валерьевны заставил меня развернуться к двери. — Я планировала пообедать в «Конте-Конти», но до нашего ресторана я доберусь в лучшем случае к ужину. Боже, что вы едите... Эмма, принеси салат и рыбу!

Егор посмотрел на мать и, чуть помедлив, не проронив ни слова, долил в чашку чай. Его губы сжались, и на смену расслабленному состоянию пришло напряжение.

Молниеносная догадка вспыхнула в душе, и уже через несколько секунд я убедилась, что не ошиблась. «Они в ссоре... Да, точно. Егор злится... Но Елена Валерьевна делает вид, будто не замечает этого».

— Дженни, ты сильно похудела. Мне это не нравится. Девушка не должна выглядеть так, будто вчера ее вытащили из подземелья. Ты уже взрослая, пожалуйста, заботься о себе самостоятельно.

Елена Валерьевна немного выдвинула стул, села и протянула руку к мандарину. На ее безымянном пальце не было обручального кольца, и это заставило меня бросить на Егора еще один взгляд. Заметил ли он это? Я понятия не имела, как принято поступать с кольцом после смерти мужа: снимать или продолжать носить, но... Я бы точно не сняла его! И авиакатастрофа случилась всего месяц назад...

На всякий случай я посмотрела на другую руку Елены Валерьевны. Кольца не было.

— Мама, все под контролем, — вместо меня ответил Егор. Слова прозвучали довольно сухо. — Скоро Дженни вернет свои килограммы.

— Да, — ответила я, чтобы произнести хоть что-то.

— Завтра утром мы поедем на кладбище. Ты с нами или нет?

Елена Валерьевна замерла, а затем медленно повернула голову в сторону сына. Даже Снежные королевы иногда испытывают волнение. Их светлая кожа, скорее всего, становится еще бледнее, или на лбу появляется хотя бы одна морщина. У Елены Валерьевны дрогнули губы.

В столовой повисла тишина, и я почувствовала себя совершенно лишней. Но я бы ни за что не ушла. Наоборот, я желала услышать ответ и понять, что происходило в доме все эти дни, пока я пряталась от всех и почти ни с кем не

общалась. И сейчас мне показалось, что прошел не месяц, а целая вечность. Вечность, полная невидимых для меня событий.

Егор терпеливо ждал, и его глаза недобро блестели. И кажется, он догадывался, какие слова произнесет его мать.

— Нет... — Елена Валерьевна положила мандарин на салфетку и поправила идеально лежащий воротник блузки. — Мы обсуждали с тобой это неоднократно и... Егор, я не хочу однажды сойти с ума от воспоминаний и горя. Пойми же меня наконец. Павел в моем сердце. Всегда. Да, да, он всегда в моем сердце... — Елена Валерьевна нервно взмахнула рукой и, желая переключить разговор на другую тему, добавила громко в сторону кухни: — Эмма, нельзя ли побыстрее?!

— Дело твое, — холодно произнес Егор и взял еще один бутерброд.

— Я уеду, когда закончится дождь. Вернусь завтра к обеду.

Почти сразу появилась Эмма. Быстро приблизившись, она поставила перед Еленой Валерьевной тарелку с куском белой отварной или приготовленной на пару рыбы, с салатной зеленью и аккуратными половинками черри.

— Принести апельсиновый сок? — спросила Эмма.

— Нет.

Такие блюда помогали Елене Валерьевне сохранить модельную стройность, она выглядела молодо и безупречно. Прямые светлые волосы лежали на плечах, макияж под-

черкивал красоту больших карих глаз, румяна нежного персикового цвета гармонировали с кремовой атласной блузкой. И фигура как у девушек с обложки глянцевого журнала. Любой посторонний человек удивился бы, узнав, что у этой женщины два взрослых сына.

«Теперь один сын... — Сдержав вздох, я отодвинула опустевшую тарелку. — Значит, на кладбище мы отправимся с Егором вдвоем».

Было обидно, что Елена Валерьевна ничего не сказала о папе, но этот спор явно длился несколько дней, и оставалось лишь догадываться, кто и что говорил раньше.

— Завтра вечером приедет Кристина. Егор, ты сможешь ее встретить?

— Она опять поругалась с матерью?

— Да, это традиционно случается раз в год, и, кажется, я к этому уже привыкла. Дети вырастают, а проблем меньше не становится... — Елена Валерьевна покачала головой и скептически посмотрела на рыбу, будто подозревала, что вкус филе ее не устроит. — Лучше бы Эмма приготовила форель, — добавила она и продолжила разговор с Егором: — Наташа позвонила вчера. Опять сожалела, что пятнадцать лет назад перебралась в Питер, жаловалась на дожди и сырость и просила присмотреть за ее дочерью. Я так и не поняла, из-за чего они поссорились, но в отместку Кристина грозит бросить институт. Нашла какую-то работу у нас в Москве и якобы едет на собеседование. То ли собирается устроиться помощником руководителя, то ли администратором... Конечно, это все бестолковые, ничего не

значащие игры. Таких вакансий и в Питере полно. Просто Кристине хочется позлить мать. Запоздалый подростковый шантаж, не более того. Воспитываешь, воспитываешь... — Елена Валерьевна многозначительно посмотрела на Егора. — И в ответ сплошное непонимание. Кристина — дочь моей бывшей одноклассницы, — повернув голову уже ко мне, пояснила Елена Валерьевна. — Девочка хорошая, но немного избалована, впрочем, это свойственно детям нашего круга.

— Я встречу ее. — Егор отложил мобильник в сторону. — И мы где-нибудь поужинаем. Должен же кто-нибудь поддержать Крис и на этот раз. — На его губах появилась знакомая усмешка. — Избалованным детям нашего прекрасного круга лучше держаться вместе.

— Спасибо, — явно оценив шутку, со сдержанной улыбкой ответила Елена Валерьевна. Ее настроение улучшилось, вероятно, оттого, что спор с Егором погас и каждый сделал вид, будто разногласий не было. — Как обычно, Кристина поживет у нас. Пару дней или... неделю. Надеюсь, Наташа помирится с ней быстро, семейные ссоры удручают. Надо быть мудрее, спокойнее и терпеливее. Как думаешь, какую комнату приготовить Кристине? Не могу вспомнить, где она останавливалась зимой...

— На втором этаже. В крайней. Рядом с библиотекой.

— Это вполне удобно. И ей будет приятно и комфортно в знакомой обстановке.

Победив бутерброд и допив чай, я взяла большое круглое печенье, усыпанное застывшими шоколадными ка-

плями, и встала из-за стола. Печенье я собиралась съесть позже, часа через два. Конечно, сейчас для моего желудка это была грубоватая пища, но впервые за долгие дни хоть что-то показалось аппетитным, и аромат ванили вызвал исключительно положительные эмоции.

— Я пойду заниматься, — произнесла я и тут же поймала себя на мысли, что за сегодняшний день наврала слишком много.

Нет, я вовсе не собиралась засесть за учебники прямо сейчас, меня тянуло в бассейн, туда, где жили теплые воспоминания и голубая гладь воды успокаивала. Дождь закончился, и хотелось выйти на улицу. Глоток свежего воздуха был бы сейчас кстати.

«Неужели Елена Валерьевна так быстро забыла мужа? Папа, папа... Почему она часто не ночует дома? Может, она останавливается в квартире Егора?.. У Егора же есть квартира в Москве...»

К сожалению, мне не с кем было обсудить то, что сотрясало душу, и никто не собирался давать ответы на эти вопросы. Позже я планировала зайти к бабушке, но обсуждать с ней Елену Валерьевну совсем не хотелось.

Поднявшись к себе, я оставила печенье на прикроватной тумбочке и взяла блокнот и карандаш. Я все ждала того момента, когда вновь смогу рисовать, и боялась, что в нужную минуту под рукой не окажется листа бумаги. Но что я могла нарисовать сейчас? Боль и одиночество не имеют контуров, они везде, в каждом вдохе и выдохе.

«Вот ничего и не получается...»